

Хань Хэн лукаво прищурился. Подавшись вперёд, он нагло и со знанием дела увлёк Чжуан Линя в поцелуй, бесцеремонно раздвинув его губы и сплетаясь с его податливым, горячим языком.

Чжуан Лин, вспыхнув пунцовым румянцем, сдаваться не собирался. Навалившись сверху, он страстно ответил на поцелуй, ведя горячей, сухой ладонью по телу партнёра. На миг отстранившись, чтобы глотнуть воздуха, он хрипло выдохнул:

— И зачем спать в стольких одежках? Неужто так устал? Замаялся умасливать моего брата?

— Вечно ты приплетаешь своего брата, — пробормотал Хань Хэн. — К тому же ты ведь сам приставил ко мне...

Договорить он не успел. Чжуан Лин коснулся чувствительного места на его шее, заставив Хань Хэна судорожно вздохнуть и выгнуться навстречу. Он взглянул на юношу затуманенным взором. Чжуан Лин и в обычные дни был чертовски хорош собой, а сейчас, когда он сильно покраснел — то ли от смущения, то ли от разгорающегося вожделения, — он казался просто невыносимо, вызывающе красивым. Словно изысканное лакомство, которое само шло в руки, дразня и лишая рассудка.

— Ты обещал мне не встречаться с ним с глазу на глаз, — прошептал Чжуан Лин и резко прикусил мочку его уха.

Вспышка острой боли подействовала мгновенно. Не раздумывая, Хань Хэн брыкнулся и от души приложил Чжуан Линя ногой. Толчок вышел настолько сильным, что молодой принц, потеряв равновесие, кувырком полетел с кровати на пол.

Чжуан Лин уселся на полу, тяжело дыша от ярости. Полы его распахнувшегося халата открывали взору широкую грудь с упругими, рельефными мышцами и гладкую золотистую кожу. Всю свою жизнь он сам выставлял людей из постели, и ещё никто — абсолютно никто! — не осмеливался бесцеремонно вышвырнуть его на пол.

Хань Хэн невольно сглотнул. В прошлой жизни он повидал немало соблазнительных мужчин и женщин, но ни один человек не будил в нём столь дикого, первобытного вожделения, как этот несносный мальчишка.

Виной тому воздержание длиной более чем в двадцать лет, но сейчас Хань Хэн чувствовал себя голодным бесом, которого невозможно насытить.

Узнай Чжуан Лин, какие мысли роятся в этой голове, он бы, верно, перешёл к делу без лишних разговоров. Впрочем, сейчас принц был убеждён в обратном: Хань Хэн просто пытается избежать расспросов и готов поступиться честью, лишь бы заставить его замолчать.

К тому же юный принц, чей плотский опыт за те же двадцать с лишним лет тоже стремился к нулю, с удивлением и подспудным страхом ощутил, как внизу живота разливается удушливый жар. Натянувшаяся ткань штанов красноречиво выдавала его возбуждение, которое не удавалось скрыть, даже поджав ноги. Сгорая от неловкости, Чжуан Лин поспешно одёрнул полы халата и пересел на стоявший поодаль стул.

Переведя дух, Хань Хэн приподнялся на локтях. Он намеренно оставил ворот рубахи распахнутым и, лениво откинувшись на подушки, принялся разглядывать Чжуан Линя, прокручивая в голове самые непристойные фантазии.

— Твой брат искал встречи несколько раз, но мы разминулись. Сегодня мы просто столкнулись на улице. Не мог же я сделать вид, будто знать его не знаю? — Хань Хэн силился выровнять дыхание и усмирить бушующие гормоны.

Больше всего на свете ему хотелось прямо сейчас сорвать с этого заносчивого мальчишки одежду и хорошенько его оттрахать. Однако, помня о строгих нравах этой эпохи, Хань Хэн понимал, что торопить события нельзя. Здесь вам не современность, где партнёра на ночь можно найти по первому щелчку пальцев.

В прежней жизни он в основном ограничивался флиртом да лёгкими прикосновениями, никогда не доходя до постели. Ни один человек в мире не казался Пэй Цзя важнее его актёрской карьеры. Лавируя среди влиятельных продюсеров и капризных звёзд, он свято берёт свои границы.

Лишь теперь он осознал: просто до сих пор никто не задевал его за живое. А когда это происходит... Что ж, мужчины устроены одинаково. Разум отключается, уступая место бешеному шквалу гормонов.

— И всё же ты не должен встречаться с ним наедине. Как минимум, нужно было оставить при себе Цзячу, — процедил всё ещё недовольный Чжуан Лин.

— Только не говори мне, будто Цзячу, карауля за дверью, не расслышал каждого нашего слова.

Чжуан Лин на миг замешкался, но тут же вновь нацепил маску упрямой правоты:

— У тебя вообще не должно быть от меня секретов.

Хань Хэн лишь горько усмехнулся. Главная тайна, которую он скрывал от юного принца, заключалась в том, что перед ним сидел совсем другой человек. Но пока не было уверенности, что его не объявят одержимым и не сожгут на костре как порождение тьмы, он не выдал бы этот секрет даже под пытками.

— Чтобы это было в последний раз. Если посмеешь снова... — Чжуан Лин угрожающе процедил

сквозь зубы.

Он подошёл вплотную к кровати и, властно приподняв подбородок Хань Хэна, заглянул в его влажные, подёрнутые поволокой глаза. Этот взгляд действовал как колдовские чары. Не выдержав, Чжуан Лин снова впился в его губы жадным, кусающим поцелуем и прорычал:

—... Я тебя прямо здесь трахну.

Не будь сейчас на кону слишком многого, Хань Хэн с удовольствием развалился бы на простынях, кокетливо похлопал себя по заднице и предложил: «Ну давай, попробуй».

Поцелуй затянулся, лишая обоих остатков самообладания. Чжуан Лин терзал его губы с такой неистовой страстью, что у Хань Хэна кружилась голова, а тело наливалось истомой. Блаженно сощурившись, он прошептал:

— Откуда у тебя... такие навыки? На ком тренировался?

Принц на мгновение замер, он помрачнел.

— Неужели ты совсем ничего не помнишь?

Хань Хэн озадаченно моргнул и, не удержавшись, ощупал упругую грудь Чжуан Линя. Кожа под пальцами была горячее, мышцы — твёрдыми как камень. Великолепное тело.

— Ты же сам просил не поминать былое. Погляжу я на тебя — семь пятниц на неделе. Никогда не знаешь, чего от тебя ждать.

— Хорошо, не будем о прошлом, — покладисто согласился Чжуан Лин, покрывая быстрыми поцелуями шею Хань Хэна. — Но впредь ты должен во всём меня слушаться. Будешь послушным — я дам тебе всё, чего пожелаешь.

Он вдыхал запах этого тёплого тела, чувствуя под губами частые толчки пульса. Мысль о том, что лежащий перед ним мужчина когда-то делил ложе со всемогущим императором Мин — самым грозным и жестоким владыкой этих земель, — разжигала в груди Чжуан Линя тёмную, неистовую ревность и жажду обладания. Когда-то этот человек казался недостижимым, а теперь он был здесь, в его руках.

Вот только Чжуан Лин решительно не знал, что делать дальше. Он не имел ни малейшего опыта с мужчинами. И пускай тело его избранника принадлежало к числу тех редких созданий, что способны приносить потомство — вынашивать вечно орущих, капризных младенцев, которых принц терпеть не мог, — Чжуан Лин понятия не имел, как подступиться к этому хрупкому сокровищу.

Жар в его теле разгорался всё сильнее, он пылал, а сам он застыл в полнейшем замешательстве.

Заметив его ступор, Хань Хэн усмехнулся и беззлобно оттолкнул юношу.

— Кто кого ещё будет ублажать — поглядим, — сонно пробормотал он, зарываясь в одеяло. — И не смей обращаться со мной как с девицей. Попомни моё слово: наступит день, и я заставлю тебя содрогнуться от изумления.

Эти дерзкие слова мигом отрезвели Чжуан Линя. Пальцы его невольно сжались в кулаки.

Даже потеряв память, Хань Хэн оставался собой. И пусть сейчас Чжуан Линь завладел преимуществом, он понимал: будь его соперник обычным слабаком, он никогда не удостоился бы чести стоять в одном ряду со всемогущим императором Мин.

Поспать удалось от силы час. Проснувшись, Хань Хэн почувствовал себя совершенно разбитым. Чжуан Линя в комнате уже не было. Кое-как сполз с постели, он приблизился к зеркалу. Из глубины тусклого стекла на него воззрилось бледное, измученное лицо, обезображенное паутиной шрамов.

Хань Хэн со вздохом поднял руку и показал своему отражению средний палец.

Стояла удушающая жара, но ему пришлось облачиться в плотное синее одеяние с высоким воротом, застёгивающимся под самым кадыком — иначе багровые отметины на шее выдали бы его ночные забавы с головой.

Едва он закрепил на лице маску, как со стороны окна раздался резкий, сухой треск.

Напрягшись, Хань Хэн рванул дверь и выскочил в сад. Увы, на дорожке он успел разглядеть лишь удаляющийся силуэт — на редкость тощий, похожий на увядший стебель.

Вернувшись к окну, он заметил нечто странное. На подоконнике в ряд стояли глиняные горшки с цветами, и один из них разлетелся вдребезги. Хань Хэн подобрал осколок. Глина была покрыта сетью мелких, обугленных трещин, напоминающих паутину. На нескольких осколках виднелись свежие капли крови.

Сомнений не оставалось: горшок не упал, его словно поразила молния. Хань Хэн поднял глаза к небу — солнце палило нещадно, на лазурном небосводе не было ни единого облачка.

С каждым днём его представления о здешней реальности расширялись, сталкиваясь с

явлениями, которые никак не укладывались в рамки законов физики. И хотя этот мир упорно заставлял его верить собственным глазам, Хань Хэна не покидало ощущение зыбкости происходящего.

Не теряя времени, он отправился к Му Жаню. Развернув на столе платок, Хань Хэн высыпал перед ним собранные черепки.

Му Жань отбросил привычную небрежность. Осторожно взяв кончиками пальцев один из обгоревших осколков, он нахмурился:

— Откуда это у тебя?

— Сегодня утром кто-то выслеживал меня под окнами спальни. Раздался треск, но когда я выбежал, соглядатай уже скрылся. Этот горшок не разбился при падении, — Хань Хэн выдержал паузу, озвучивая догадку, которая не давала ему покоя весь день: — Тот человек... он ведь обладает особой силой? Как и ты.

Му Жань помрачнел. Сжав губы, он молчал, опустив длинные ресницы. Наконец он бросил осколок обратно в общую кучу, и тот отозвался сухим, глухим стуком.

— Возможно, — глухо произнёс он. — Но ему здесь не место.

Хань Хэн предчувствовал недоброе.

— Что это значит? Ты его знаешь?

— Может, это он, а может, кто-то другой, — Му Жань раздражённо взъерошил волосы и тяжело вздохнул. — Он совсем юн, я даже не знаю его имени. Ему не исполнилось и десяти лет, когда он в одиночку вырезал целый отряд элитных ищеек, посланных императором Мин. После этого мальчишка бесследно исчез.

«Меньше десяти лет...» — Хань Хэн прищурился. Если этот ребёнок способен повелевать молниями или чем-то подобным, то он — ходячее оружие массового поражения. Для такого уничтожить пару десятков подготовленных воинов — раз плюнуть. Но зачем он крутится возле поместья? И уж точно он не случайно забрёл под чужие окна — случайные прохожие не бросаются наутёк, едва их заметят.

— Сдаётся мне, ты слишком многое от меня скрываешь, — Хань Хэн пытливо взглянул. — Мы ведь теперь в одной лодке. Не пора ли выложить карты на стол?

Му Жань быстро совладал со своими чувствами. Кокетливо улыбнувшись, он ткнул изящным пальцем с ярко-красным ногтем в грудь Хань Хэна:

— Мы станем союзниками лишь тогда, когда ты выиграешь наш спор. Вот тогда и поговорим на равных.

Хань Хэн поднялся с места, ничуть не задетый его отказом.

— Что ж, лови на слове. Советую за эти дни хорошенько обдумать, чем ты поделишься со мной при встрече, — он направился к выходу, но у самых дверей обернулся: — И да, не забудь про ту гостью, о которой я спрашивал. Она меня чрезвычайно интересует.

— Тебе не говорили, что ты слишком много на себя берёшь? — донёсся ему в спину насмешливый голос Му Жаня.

— Если стремление выжить любой ценой называется гордыней, то в этом мире нет скромников, — бросил Хань Хэн. — То, что все вы по очереди появляетесь на моём пути... ты действительно веришь, будто это простая случайность?

Не дожидаясь ответа, он шагнул за порог.

Он не кривил душой. Хань Хэн верил в интуицию. Не будь он особенным, его бы не забросило в эту безымянную эпоху, где привычные законы логики и физики трещали по швам. И как бы ему ни хотелось закрыть глаза на правду, существование людей со сверхъестественным даром отрицать было бессмысленно.

Возможно, он здесь не один такой. Вдруг та загадочная гостья Му Жаня тоже прибыла из его мира? Эта мысль заставила сердце забиться чаще.

Если это так, то его перерождение — не слепая игра судьбы. А значит, у них есть шанс отыскать дорогу назад, домой... Хань Хэн поспешил задавить эту сладостную, но опасную надежду в зародыше.

Размышления прервал Цзячу. Неожиданно возникнув рядом, телохранитель крепко ухватил его за плечо и увлёк прочь с шумного проспекта в полумрак узкого, глухого переулка.

— За нами хвост, — коротко шепнул Цзячу, увлекая его вглубь лабиринта подворотен, чтобы вернуться в поместье Сюэ кружным путём.

Лишь оказавшись под защитой стен усадьбы, Хань Хэн облегчённо вздохнул и, стягивая душный халат, спросил:

— Удалось разглядеть, кто это был?

— Незнакомцы, господин. Лица чужие.

— «Они»? — Хань Хэн удивлённо приподнял бровь. — Их было несколько?

— Восемь человек. И ни одного из них я раньше не встречал в столице.

Хань Хэн задумчиво кивнул. Он облачился в лёгкий, не стесняющий движений тренировочный костюм, сшитый на заказ — сегодня ему предстояло осмотреть новобранцев, которых вчера набрали для массовки.

— Возьми людей из храмовой стражи и проверь, не крутятся ли эти соглядатаи у ворот, — распорядился Хань Хэн. — И пока не говори об этом своему молодому господину.

Обув удобные сапоги из мягкой кожи, Хань Хэн расправил плечи и сделал несколько разминочных движений. Лишь закончив, он заметил, что телохранитель всё ещё топчется у порога.

Цзячу странно и натянуто ухмыльнулся.

— Это разминка, чтобы не растянуть связки во время танца, — фыркнул Хань Хэн. — Впрочем, куда тебе понять. Ладно, иди занимайся делом, не нужно ходить за мной хвостом.

Оставив слугу, Хань Хэн поспешил во внутренний двор, где разместили нанятых людей. В его голове постепенно складывалась мозаика. Одежда утреннего соглядатая совсем не походила на ливреи слуг поместья Сюэ. Да и по комплекции тот парень уступал крепким стражникам — тощий, бледный, вылитый стебелёк.

Очень может быть, что этот незванный гость скрывается среди тех бездельников, которых они наняли вчера.

<http://bllate.org/book/20487/2213600>